РИНА МАНОВА

Шестьсот пятьдесят километров

РОМАН

Рина Манова

Шестьсот пятьдесят километров

«Автор»
2026

Манова Р.

Шестьсот пятьдесят километров / Р. Манова — «Автор», 2026

Белой ночью на середине Литейного моста порыв ветра вырывает у реставратора Веры лист старинной карты. Лист ловит незнакомец, москвич Илья, который проектирует мосты и, как ни смешно, боится высоты. Через минуту мост разводят, и до утра им некуда деться друг от друга.Так начинается любовь, которой мешает всё. Между ними шестьсот пятьдесят километров, ночные поезда и голосовые после полуночи, его строгая мама и её восьмидесятидвухлетняя бабушка, которая шестьдесят лет хранит запертую шкатулку с чужими письмами.Потом приходит год, когда рушится сразу всё. Остаются только обрезок кальки, номер вагона и обещание, которое придётся выполнять за двоих.Это роман о том, что одна строчка может стоить целой жизни, о гордости, которая разлучает, и о любви, которой хватает сил начать всё заново, даже когда второй уже ничего не помнит.Пронзительная история с петербургским дождём, московскими котлетами и мостами, которые соединяют не только берега.

© Манова Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ветер на Литейном 5
Глава 2. Калька с номером 10
Глава 3. Голосовые после полуночи 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Рина Манова
Шестьсот пятьдесят километров

Глава 1. Ветер на Литейном

В ту ночь Вера Лаврова опаздывала на мост.

Она поняла это у Шпалерной, когда телефон показал час тридцать две, а до середины Литейного оставалось ещё метров четыреста. Литейный разводили в час сорок, и каждый петербуржец знал, что мост не ждёт никого: ни влюблённых, ни таксистов, ни реставраторов, задержавшихся в мастерской из-за упрямого листа восемнадцатого века.

Вера прибавила шаг. Под мышкой у неё была плоская картонная папка, перетянутая тесьмой. Внутри лежали двенадцать листов кальки - копии с карты Петербурга 1792 года, которую мастерская восстанавливала уже третий месяц. Оригинал остался в сейфе, а копии Вера несла домой, чтобы до утра сверить линии каналов. Половины этих каналов давно не существовало, их засыпали ещё при Николае, но на старой бумаге они текли так же уверенно, как Нева под мостом.

Белая ночь стояла над городом прозрачная и тихая, как вода в стакане. Небо над Выборгской стороной было не тёмным, а жемчужным, с розовой полосой у самого края. На набережной собирались люди: туристы с телефонами наготове, парочки, компания студентов с гитарой, пожилой мужчина с фотоаппаратом на треноге. Все ждали, когда огромные пролёты медленно поднимутся к небу.

Вера ступила на мост, когда до разводки оставалось шесть минут. Она шла быстро, почти бежала, и думала о бабушке, которая не ляжет спать, пока внучка не вернётся. Ангелине Павловне было восемьдесят два года. Она уверяла, что не волнуется, а сама сидела у окна с остывшим чаем и смотрела на улицу.

На середине моста ветер ударил сбоку. Невский ветер всегда приходит без предупреждения: только что было тихо, и вдруг воздух становится плотным, как ладонь. Папка дёрнулась в руках. Тесьма, которую Вера завязала наспех, соскользнула, картон раскрылся, и верхний лист кальки взмыл в воздух.

Лист перевернулся в воздухе и пошёл вверх. Вера ахнула и кинулась за ним. Лист пролетел над её головой, качнулся над перилами и устремился к воде.

И тут чья-то рука перехватила его в полёте.

Мужчина стоял у перил, чуть ссутулившись, будто разглядывал механизм под пролётом. Он поймал лист так спокойно, словно ловил их каждый день. Потом аккуратно, двумя пальцами, развернул его к свету и посмотрел.

- Это ваше? - спросил он.

- Моё! - Вера наконец перевела дух. - Спасибо. Если бы он улетел, меня бы убили.

- Кто?

- Начальница мастерской. Хотя нет, она бы не убила. Она бы очень тихо сказала: «Вера Андреевна, я в вас разочарована». Это хуже.

Мужчина улыбнулся. Улыбка у него была неожиданно мальчишеская, совсем не подходившая к серьёзному лицу и коротко стриженным волосам с ранней сединой на висках.

- Это карта, - сказал он, не отдавая лист. - Старая. Вот здесь Фонтанка, а здесь… это что, канал? Я такого не знаю.

- Лиговский. Его засыпали в девятнадцатом веке. Там сейчас Лиговский проспект.

- Надо же. А мост? Вот этот, у Летнего сада, - он показал на крошечный значок, - он деревянный?

- Деревянный. Тогда почти все были деревянные. Простите, мне правда надо бежать, мост сейчас…

За её спиной раздался протяжный звук сирены. Вера обернулась. Полицейские уже перекрывали проход, люди с той стороны махали руками, кто-то смеялся. Над серединой моста вспыхнули огни.

- Девушка, отойдите от края! - крикнул в мегафон полицейский. - Мост разводится!

Вера стояла и смотрела, как её дорога домой уходит в небо. Пролёты поползли вверх с таким скрежетом, будто кто-то волок по асфальту чугунную ванну. Фонари на них накренились и поехали следом. Внизу открылась чёрная вода, и по ней сразу, не дожидаясь, проскочил катер с туристами.

- Кажется, это я вас задержал. - Мужчина виновато потёр затылок.

- Кажется, да, - ответила Вера и вдруг рассмеялась. - Ну вот. Теперь до без четверти пять.

- Вам на ту сторону?

- Мне на ту сторону. Бабушка меня убьёт. Вот она точно убьёт, в отличие от начальницы.

Они отошли к перилам на левом берегу, к началу моста, где стояли все остальные. Вера достала телефон и написала бабушке: «Мост развели, я на этой стороне, не волнуйся, приду к пяти, ложись спать». Ответ пришёл через секунду, как будто Ангелина Павловна держала телефон в руке: «Я не сплю. Ты одна?»

Вера посмотрела на незнакомца. Он всё ещё держал в руке её карту и с любопытством изучал её в свете фонаря.

«Не одна. Меня спасли от катастрофы», - написала она.

«Хороший человек?» - пришёл ответ.

«Пока не знаю».

«Узнай», - написала бабушка и прислала смайлик с поцелуем, который она освоила только в прошлом году и теперь ставила везде.

Вера убрала телефон.

- Отдадите карту? - спросила она.

- Простите. - Он протянул ей лист. - Я засмотрелся. Профессиональная деформация.

- Вы картограф?

- Нет. Я мосты строю.

Вера так и застыла с тесёмкой в руках.

- Серьёзно?

- Серьёзно. Я инженер-конструктор. Проектирую мосты. В основном автомобильные, иногда пешеходные. Сюда приехал на конференцию по мостостроению. Завтра доклад, а я вместо того, чтобы спать, хожу и смотрю, как у вас разводят пролёты. Хотелось вживую увидеть механизм Литейного. Он, между прочим, был первым в мире разводным мостом, где…

Он осёкся.

- Простите. Я опять.

- Нет, продолжайте, - сказала Вера. - Мне правда интересно. Я про Литейный знаю только то, что он опасный. Говорят, тут под водой камень, Вуоккатти, древний, языческий. И на этом мосту больше всего самоубийств. Бабушка говорит, что Литейный - мост с характером.

- Камень, кстати, правда был. - Он кивнул. - Его рвали, когда ставили опоры, и долго не могли взять. Были погибшие. Отсюда и легенды. - Он подумал. - А насчёт характера ваша бабушка права. У этого - скверный.

- Как у людей.

- Как у людей. Только мосты честнее: если трещина, её хотя бы видно.

Она протянула ему руку.

- Вера.

- Илья. - Он пожал её ладонь осторожно, как будто она была из той же кальки, что её карта. - Илья Соколов. Из Москвы.

- Я так и подумала.

- Почему?

- Когда я подбегала, вы кому-то жаловались в трубку, что споткнулись о бордюр. У нас так не говорят.

Он засмеялся.

- Сдаюсь. А вы, судя по всему, коренная петербурженка.

- В четвёртом поколении. С перерывом на блокаду, когда прабабушку эвакуировали. Но она вернулась, как только смогла.

Разведённый мост стоял над водой, как раскрытая книга. Вера вдруг подумала именно так - раскрытая книга, две половины которой кто-то развернул к небу. Она реставрировала книги восьмой год, и все сравнения у неё рано или поздно сводились к переплётам, корешкам и форзацам.

Люди на набережной постепенно расходились. Студенты с гитарой ушли к Летнему саду, фотограф сложил треногу. Илья и Вера остались стоять у гранитного парапета.

- Что вы будете делать три часа? - спросил Илья.

- Обычно в таких случаях я иду к подруге на Чайковского. Но Лена сейчас в отпуске в Карелии. Можно посидеть в круглосуточной кофейне. Или просто гулять. В белые ночи по городу ходит полгорода.

- А можно я буду гулять с вами? - спросил он и тут же добавил: - Если это неуместно, скажите. Я пойму. Незнакомый мужчина ночью, из Москвы…

- Это почти приговор, - серьёзно сказала Вера.

- Почти, - согласился он.

- Но вы спасли мою карту. Это смягчающее обстоятельство.

Они пошли вдоль Невы, мимо Летнего сада. Знаменитая решётка, чёрная с золотом, тянулась слева. За ней в зелёном полумраке белели статуи. Пахло сырой листвой, речной водой и чем-то сладким - наверное, цвела липа.

- Расскажите, что вы делаете с картой, - попросил Илья.

- Я реставратор. Работаю в мастерской при библиотеке на Садовой. Восстанавливаем старые книги, карты, рукописи. Эта карта попала к нам в ужасном состоянии. Её хранили в сыром подвале, бумага покрылась плесенью, местами слиплась. Часть надписей выцвела совсем. Мы её чистили, укрепляли, восполняли утраты. А теперь мне нужно восстановить контуры, которые почти пропали. Я сделала кальки с разных частей и сверяю их с другими картами того времени.

- То есть вы как бы склеиваете то, что разорвалось.

- Можно и так сказать.

- Значит, у нас похожие профессии, - сказал Илья. - Я соединяю берега, вы соединяете времена.

Вера остановилась и посмотрела на него.

- Вы это заранее придумали?

- Нет. Честно. Это у меня случайно вышло. Обычно я говорю гораздо скучнее. Про нагрузки, пролёты и марки бетона.

- Расскажите про нагрузки, - сказала она. - Мне правда интересно.

И он рассказал. Про то, что мост - это всегда компромисс между тяжестью и лёгкостью. Что мост, который совсем не гнётся, долго не простоит. Что на большие мосты закладывают расчёт на ветер, на снег, на землетрясения, на толпу людей, которые одновременно встанут на пролёт, чтобы смотреть салют. Что даже идеально построенный мост живёт: дышит, вздрагивает, расширяется летом и сжимается зимой.

- Поэтому между секциями оставляют деформационные швы, - сказал он. - Специальные промежутки. Если их не оставить, мост от жары разорвёт.

- Промежутки, чтобы не разорвало, - повторила Вера. - Красиво.

- Это не красиво, это физика.

- Физика тоже бывает красивой.

Он хмыкнул и ничего не ответил, только пошёл медленнее. Вера почему-то смутилась.

К трём часам они дошли до Дворцового моста, который тоже стоял разведённым, огромный, с огнями на поднятых крыльях. Вдоль гранитного спуска сидели люди. Кто-то пил шампанское прямо из бутылки, кто-то целовался. Мимо проплыл прогулочный катер с громкой музыкой, и туристы на палубе махали руками.

Они сели на ступени у воды. Гранит был холодный, и Илья, не говоря ни слова, снял свою лёгкую куртку и положил ей под спину. Вера хотела отказаться, но не стала. Кофе, который они взяли по дороге в автомате на Миллионной, был едва тёплый и отдавал картоном, но они допили его до дна.

- Вы давно в Москве живёте? - спросила она.

- Всю жизнь. Родился в Измайлово. Там и сейчас живёт мама. Мы с ней и с сестрой. Отец ушёл, когда мне было десять. Ну, то есть не ушёл, а умер. Сердце. Сорок один год. Был тоже инженером. Мосты строил.

- Простите.

- Да ничего, давно было. - Илья помолчал. - Я тогда решил, что тоже буду строить мосты. Наверное, хотел закончить то, что он не успел. Детская логика. Но потом оказалось, что мне это правда нравится. А вы? У вас есть родители?

Вера ответила не сразу.

- Мама с папой погибли, когда мне было семь. Авария на трассе под Лугой. Мы ехали к друзьям на дачу. Я была на заднем сиденье, пристёгнутая. Отделалась сломанной рукой. Меня вырастила бабушка. Папина мама. Ангелина Павловна. Ей сейчас восемьдесят два, и она до сих пор считает, что я хожу по городу без шапки.

- А вы ходите?

- Сейчас июнь.

- Это не ответ.

Вера рассмеялась.

- Хожу. Но только летом.

Она сама не понимала, почему так легко рассказывает ему всё это. Про аварию она говорила редко, почти никогда. Даже Глебу, с которым прожила три года, рассказала только через полгода после знакомства. А здесь - первый встречный, ночь, Нева, и слова сами идут.

Может быть, так действуют белые ночи. Говорят, в эти недели люди делают глупости, в которых потом не раскаиваются. Или раскаиваются, но не очень.

- А почему реставрация? - спросил Илья.

- Бабушка всю жизнь проработала в Публичке. В библиотеке. Я выросла среди книг. В детстве она брала меня с собой на работу, и я сидела в углу хранилища и читала всё подряд. Однажды увидела, как реставратор работает с рукописью семнадцатого века. Старичок, руки дрожат, а когда берёт кисточку - перестают. Я смотрела на него часа два, не дыша. Он восстанавливал букву. Одну букву. Заглавную, с завитками, как цветок. И когда закончил, она была как живая. Мне было двенадцать, и я решила, что хочу так же.

- Возвращать к жизни.

- Наверное. Не дать исчезнуть. Мне кажется, всё, что было по-настоящему, должно остаться. Хоть где-то.

Илья кивнул. Помолчали. Молчать с ним почему-то было не неловко. Вода плескалась у ступеней. Над Петропавловской крепостью небо становилось светлее, розовая полоса переползала всё выше.

- Знаете, о чём я думаю? - спросил Илья.

- О чём?

- Если бы ваш лист улетел, мы бы с вами никогда не познакомились. А если бы ветер был на полсекунды раньше, вы бы уже стояли на той стороне. Один порыв ветра. Вероятность - почти нулевая.

- Вы инженер, вы мыслите вероятностями.

- А вы?

- А я реставратор. Я мыслю тем, что уже случилось. Если случилось, значит, так и должно было быть. Теперь это надо сохранить.

Он посмотрел на неё внимательно.

- Хорошо, - сказал он. - Тогда давайте сохраним.

В половине пятого они вернулись к Литейному. Город уже совсем проснулся, хотя было так рано: дворники мели тротуары, по набережной проехала поливальная машина, оставив на асфальте блестящий след. На мосту снова собирались люди - те, кто, как и Вера, застрял на этом берегу.

В четыре сорок пять пролёты дрогнули и пошли вниз. Медленно, тяжело, с утробным гулом. Илья смотрел на механизм, почти не мигая, как ребёнок смотрит на фокусника.

- Видите, - сказал он тихо, - вот здесь противовес. Он весит почти как сам пролёт. Поэтому такую махину могут поднять относительно небольшие двигатели. Всё дело в равновесии.

- Всё дело в равновесии, - повторила Вера.

Пролёты сошлись. Загорелся зелёный, полицейские убрали ограждение. Люди потянулись на мост.

Вера и Илья пошли вместе. На середине моста, на том самом месте, где ветер вырвал у неё лист, она остановилась.

- Вот здесь, - сказала она.

- Вот здесь, - согласился он.

На другом берегу она обернулась, чтобы попрощаться, и обнаружила, что совсем не хочет прощаться.

Глава 2. Калька с номером

Он проводил её до дома. Это было недалеко: Вера жила с бабушкой на улице Академика Лебедева, в старом доме с высокими окнами, напротив корпусов Военно-медицинской академии. Они шли по пустому Литейному проспекту, потом свернули на набережную, и Илья всё время смотрел по сторонам, как будто хотел запомнить каждый дом.

- Вы так смотрите, будто завтра сдавать экзамен по этой улице, - сказала Вера.

- Я пытаюсь запомнить дорогу, - ответил он. - На случай, если придётся вернуться.

- Зачем?

Он ничего не ответил, только улыбнулся.

У подъезда они остановились. Утро было уже совсем светлое, солнце поднималось над крышами, и в окнах верхних этажей горели золотые отблески. На четвёртом этаже, в угловом окне, шевельнулась занавеска.

- Это бабушка, - сказала Вера, не поднимая головы. - Она нас видит. Сейчас будет разглядывать вас в бинокль.

- У неё есть бинокль?

- Театральный. Перламутровый. Ещё дедушкин. Она с ним ходит в Мариинку. Шучу, не только в Мариинку.

Илья поднял голову и вежливо кивнул в сторону окна. Занавеска резко задёрнулась.

Вера расхохоталась.

Потом оба замялись. Прощаться было вроде бы рано и уже пора. Илья переминался с ноги на ногу. Вера теребила тесьму папки.

- У меня в двенадцать доклад, - сказал он. - А в семь вечера «Сапсан» обратно.

- Значит, вам надо поспать хотя бы пару часов.

- Наверное.

- А то вы на докладе перепутаете мосты с картами.

- Я уже перепутал, - сказал он. - Вера, можно ваш номер? Я понимаю, что это звучит… В общем, я бы хотел вам написать. Если вы не против.

Она посмотрела на него и вдруг поняла, что ждала этого вопроса последние два часа.

- Телефон у вас есть?

Он похлопал себя по карманам и растерянно улыбнулся.

- Сел. Ещё у Дворцового. Я фотографировал разводку и не заметил.

- Инженер.

- Инженер, - признал он.

Вера раскрыла папку. Под листами карты лежали чистые обрезки кальки, которые она всегда носила с собой на случай, если придётся что-то срочно перерисовать. Она достала карандаш, вытащила небольшой обрезок и написала на нём свой номер. Цифры на полупрозрачной бумаге смотрелись странно, будто плавали в воздухе.

- Держите. Только не потеряйте. Калька летает.

- Я заметил.

Он взял обрезок двумя пальцами, так же бережно, как держал тогда её карту, и сунул в нагрудный карман рубашки и для верности застегнул пуговицу. Вера заметила это движение и почему-то покраснела.

- Ну, - сказал Илья. - Спасибо за ночь.

- Это вам спасибо. Вы спасли мою репутацию.

- А вы - мою командировку. Иначе я бы так и ушёл в гостиницу смотреть сериалы.

Он протянул ей руку, и Вера пожала её. Потом он неожиданно наклонился и очень легко, почти не касаясь, поцеловал её в щёку. От него пахло речным ветром и немного кофе, который они пили в три часа ночи из автомата на Миллионной.

- До свидания, Вера-реставратор, - сказал он.

- До свидания, Илья-мостостроитель.

Он ушёл быстро, не оборачиваясь, и Вера смотрела ему вслед, пока он не свернул за угол. Только тогда она поняла, что не спросила ни где он остановился, ни как называется его конференция. Только имя. Илья Соколов. Из Москвы. В Москве, наверное, тысячи Ильей Соколовых.

«Ничего, - подумала она. - Он позвонит. Или не позвонит. Тогда это была просто белая ночь».

Бабушка ждала её в прихожей. Ангелина Павловна была маленькой, сухой и очень прямой женщиной с белоснежными волосами, уложенными в аккуратный узел. Даже в пять утра на ней был шерстяной кардиган, застёгнутый на все пуговицы, и брошь с камеей на воротнике. Бабушка никогда не выходила из спальни неодетой. «Женщина должна быть готова к визиту в любое время», - говорила она. Вера не помнила, чтобы к ним кто-нибудь приходил в пять утра, но спорить было бесполезно.

- Ну? - спросила бабушка.

- Что «ну»?

- Не делай вид, что не понимаешь. Высокий, плечи хорошие, держится прямо. Седина ранняя - значит, много думает. Ботинки чистые, несмотря на ночь. Кто это?

- Бабуль, ты же сказала, что не будешь смотреть.

- Я сказала, что не буду волноваться. Про смотреть я ничего не говорила. - Ангелина Павловна поджала губы. - Чай будешь?

- Буду.

Они сидели на кухне, где на подоконнике росли герани в глиняных горшках, а над столом висела старая медная лампа с зелёным абажуром. Вера рассказывала про мост, про лист кальки, про Летний сад и Дворцовую набережную. Бабушка слушала, не перебивая, помешивая ложечкой чай с лимоном.

- Москвич, - сказала она наконец.

- Москвич.

- Мосты строит.

- Строит.

- Отец умер, мать одна. Сестра есть.

- Есть. Младшая. Даша.

Бабушка помолчала, глядя в окно.

- Твой дед тоже был москвич, - сказала она неожиданно.

Вера подняла глаза от чашки.

- Дедушка Андрей? Он же из Пскова.

- Андрей из Пскова, - согласилась бабушка. - Я не про Андрея.

- А про кого?

Но Ангелина Павловна уже поднималась из-за стола, собирая чашки.

- Иди спать, - сказала она. - Тебе в одиннадцать на работу. И сними наконец эти джинсы, они протёрты на коленке.

- Бабуль, они так задуманы.

- Никто в здравом уме не задумывает дыру на коленке.

Вера ушла в свою комнату, но ещё долго лежала без сна, глядя в потолок с лепной розеткой и думая о двух вещах сразу. О том, как Илья положил обрезок кальки в нагрудный карман.

И о том, что бабушка впервые за двадцать два года упомянула какого-то другого мужчину, кроме деда.

В мастерскую она пришла с опозданием на двадцать минут, и Марина Евгеньевна, начальница, только приподняла бровь.

Мастерская располагалась в старом крыле библиотеки, в длинной комнате со сводчатыми окнами. Здесь всегда пахло клейстером, пергаментом и немного лавандой: Марина Евгеньевна держала на подоконнике мешочки с сушёной лавандой от моли. На широких столах лежали книги в разной степени разобранности. Одни без переплёта, со стопкой отдельных тетрадей. Другие ещё в старых обложках, потрескавшихся, с оторванными уголками. На отдельном столе под стеклом лежала та самая карта.

- Сверили? - спросила Марина Евгеньевна.

- Почти, - ответила Вера. - Мне нужно ещё пару дней.

- Вера Андреевна, у вас такой вид, будто вы не спали.

- Я не спала.

- Работали?

- Гуляла.

Марина Евгеньевна сняла очки и посмотрела на неё с неожиданным интересом.

- По белым ночам?

- По белым ночам.

- Одна?

- Марина Евгеньевна!

- Я ничего не спрашиваю, - сказала начальница, снова надевая очки. - Я просто радуюсь. Вы последний год жили так, будто у вас в жизни одни переплёты. После того вашего… как его…

- Глеба.

- Вот-вот. Знаете, что я вам скажу как человек с тридцатилетним стажем? Книга, которую не открывают, гибнет быстрее, чем та, которую читают. Бумаге нужен воздух.

Вера села за свой стол и попыталась работать. Она сверяла линии каналов, переносила контуры, отмечала утраты. Но мысли всё время возвращались к мосту. Телефон лежал рядом, экраном вверх, и молчал.

В половине первого он не зазвонил. В час тоже. «У него доклад, - сказала она себе. - Потом обед. Потом он поедет в гостиницу за вещами. А потом поезд. Он сядет в вагон и забудет. Или потеряет кальку. Или постирает рубашку вместе с ней».

В два часа дверь мастерской открылась, и на пороге появилась Таня с вахты.

- Вер, там к тебе пришли. Говорит, по поводу карты.

Вера похолодела. По поводу карты могли прийти только из отдела хранения, и это никогда не было к добру.

Она вышла в коридор и остановилась.

У окна стоял Илья. В костюме, при галстуке, немного помятый, с картонной коробкой в руках. Он выглядел так, будто проспал не больше часа, но глаза у него были весёлые.

- Я подумал, что лучше один раз увидеть, чем сто раз позвонить, - сказал он. - Телефон до сих пор заряжается в гостинице. Я сбежал с банкета после доклада.

- Как вы меня нашли?

- Вы сказали: мастерская при библиотеке на Садовой. Библиотека на Садовой одна. А на вахте сидит очень бдительная женщина, которая три раза спросила, кто я такой. Я сказал, что консультант по карте 1792 года. В каком-то смысле это правда. Я же её видел.

Вера прислонилась к подоконнику: ноги вдруг стали ватные.

- А что в коробке?

- Пышки, - сказал Илья. - С Большой Конюшенной. Мне сказали, что это главное петербургское блюдо. Я отстоял очередь двадцать минут. Там все говорили «поребрик», и мне было стыдно.

Она взяла коробку. Пышки были ещё тёплые, щедро посыпанные сахарной пудрой.

- У нас в мастерской нельзя есть, - сказала она. - Сахарная пудра - враг бумаги.

- Тогда пойдёмте есть на улицу. У вас есть перерыв?

Перерыв у неё был в час, и он уже прошёл. Вера оглянулась на дверь мастерской. Марина Евгеньевна стояла в проёме, скрестив руки на груди, и смотрела на Илью поверх очков. Потом она коротко кивнула.

- Вера Андреевна, у вас перерыв. Сорок минут.

- Спасибо, Марина Евгеньевна.

- Не мне спасибо. Молодой человек, вы осторожнее с пудрой.

- Буду, - серьёзно сказал Илья.

Они сидели в Екатерининском саду, на скамейке, откуда был виден памятник императрице. Ели пышки. Пудра сыпалась ему на тёмный пиджак, он отряхивался, размазывал её ещё сильнее и к третьей пышке махнул рукой.

- Как доклад? - спросила Вера.

- Не помню, - честно ответил Илья. - Кажется, нормально. Мне задавали вопросы, я отвечал. Один профессор из Новосибирска сказал, что у меня интересный подход к расчёту ветровых нагрузок. Я, наверное, рассказывал про ваш лист.

- Не может быть.

- Может. Я сказал, что ветер - самая непредсказуемая сила. Что можно рассчитать любую нагрузку, но ветер всегда найдёт способ удивить. Кто-то засмеялся. А профессору понравилось.

Вера посмотрела на него. Он был совсем не похож на Глеба. Глеб умел очаровать кого угодно за пять минут, а через десять забыть, как этого человека зовут. Илья слушал так, будто потом ему придётся всё это пересказывать на экзамене.

- Вы правда сбежали с банкета?

- Правда.

- Ради пышек?

- Ради того, чтобы попрощаться как следует, - сказал он. - Утром у подъезда было не так. Я ушёл и сразу понял, что не так. Как будто чертёж не дорисовал. Вы знаете, что это такое - недорисованный чертёж? Я потом не сплю.

- Знаю, - тихо сказала Вера. - Это как незаконченный переплёт. Он лежит на столе, и ты думаешь о нём по ночам.

Они помолчали.

- Я хочу приехать снова, - сказал Илья. - Можно?

- Это же другой город. Шестьсот пятьдесят километров.

- Шестьсот пятьдесят километров - это четыре часа на «Сапсане». Меньше, чем некоторые москвичи едут от дома до работы в пробках.

- Вы так шутите?

- Я так считаю. Я инженер. Я всё считаю.

Вера доела последнюю пышку и отряхнула руки.

- Приезжайте, - сказала она. - Если захотите.

- Я уже захотел.

На вокзал она не пошла. Это было бы слишком. Они попрощались у дверей библиотеки, и он снова поцеловал её в щёку - на этот раз чуть дольше. А в восемь пятнадцать, когда Вера ехала в метро домой, пришло первое сообщение с незнакомого номера.

Это была фотография. На откидном столике «Сапсана», рядом со стаканом чая, лежал обрезок кальки с её номером. Сквозь полупрозрачную бумагу проступал узор пластиковой столешницы. Под фотографией было написано:

«Калька не улетела. Я держал её всю дорогу двумя пальцами, как вы учили. Подъезжаем к Твери. За окном бесконечные берёзы. Я уже скучаю по поребрикам».

Вера улыбнулась так широко, что женщина напротив посмотрела на неё с удивлением.

Она набрала ответ, стёрла, снова набрала. Потом написала просто:

«Привет, Илья-мостостроитель. Бабушка спрашивает, хорошо ли вы поели».

Ответ пришёл через минуту:

«Передайте бабушке, что я съел двенадцать пышек и одну ватрушку. И что я обязательно вернусь, чтобы она могла посмотреть на меня в бинокль ещё раз».

Вера убрала телефон и уставилась на схему метро над дверью так, будто видела её впервые. Поезд нёсся под землёй к «Площади Ленина», а она думала о другом поезде, который в эту минуту летел по ровной стальной нитке на юго-восток, всё дальше и дальше.

Шестьсот пятьдесят километров. Четыре часа на «Сапсане». Илья говорил об этом как о пустяке, и Вере очень хотелось ему верить.

Глава 3. Голосовые после полуночи

Первое голосовое сообщение пришло в двенадцать сорок ночи, через три дня после его отъезда.

До этого они переписывались. Коротко, осторожно, как будто оба боялись спугнуть что-то хрупкое. Он писал ей утром: «Доброе утро, Петербург». Она отвечала: «Доброе утро, Москва». Днём он присылал фотографии - пролёт строящейся развязки на МКАДе, бетонную опору в лесах, чертёж на мониторе. Она отвечала фотографиями корешков: потрескавшийся сафьян, золотое тиснение, кожаный переплёт с медными застёжками. Вечером они писали друг другу длинные сообщения о том, как прошёл день, и каждый раз Вера ловила себя на том, что перечитывает его письма по три раза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.